E 98/231

2007110070

98
231.

М. П. Погодинъ. Статьи политическія и польскій вопросъ (1856—1867). М. 1876.

Передъ нами лежитъ сборникъ статей одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей нашего времени, имя котораго было извѣстно всѣмъ грамотнымъ людямъ, юбилей котораго торжественно праздновала Москва и поздравленія которому неслись со всѣхъ концовъ славянщины; статьи эти говорятъ о вопросахъ, всѣхъ насъ занимающихъ: онѣ посвящены по большей части отношеніямъ Россіи и Европы къ Востоку; слѣдовательно не только интересъ имени автора, но и самый интересъ предмета долженъ былъ бы вызвать вниманіе къ книгѣ; но книга вышла болѣе года тому назадъ, а между тѣмъ о ней едва-ли говорилъ хотя одинъ журналъ. Существованіе ея едвали извѣстно людямъ, наиболѣе слѣдящимъ за отношеніями русской мысли къ такъ называемому восточному вопросу. Причина здѣсь не въ одномъ состояніи русской книжной торговли, но еще кой въ чемъ другомъ. Поясникъ свою мысль примѣромъ, прямо относящимся къ лицу, о которомъ заговорили: въ одномъ изъ некрологовъ Погодина мы прочли увѣреніе, что Погодинъ былъ *средній* русскій человѣкъ; таже мысль развивалась въ одномъ толстомъ журналѣ, гдѣ Погодинъ объявлялся человѣкомъ, увлекаемымъ теченіемъ жизни, неимѣющимъ опоры и въ этомъ смыслѣ представителемъ массы. Что Погодинъ былъ типическимъ русскимъ человѣкомъ во всѣхъ своихъ воззрѣніяхъ, съ достоинствами и недостатками великорусса; что чуткая его природа по своему откликалась на всѣ явленія — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но изо всего этого слѣдуетъ именно то, что Погодинъ не былъ среднимъ, т. е. посредственнымъ, дюжиннымъ человѣкомъ. Счастливы были бы мы, если бы могли дюжинами считать людей, подобныхъ Погодину. Все это не требовало бы доказательства тамъ, гдѣ на лицо 52-лѣтняя служба русской наукѣ и русскому обществу, гдѣ на лицо торжественное выраженіе сочувствія разнообразныхъ русскихъ людей отъ министровъ до хоругвеносцевъ московскихъ соборовъ; но люди сочувствующіе и при жизни покойнаго выражали сочувствіе только въ немногихъ случаяхъ, въ особенности на юбилеѣ, а люди несочувствующіе говорили много, и теперь просто молчатъ. Несочувствующихъ было много, частію подъ вліяніемъ разныхъ недоразумѣній, навѣянныхъ печальнымъ состояніемъ нашей печати 40-хъ годовъ, а частію странною, оригинальною формою сочиненій Погодина, Къ числу осуждавшихъ Погодина принадлежали люди самые остроумные и вліятельные въ свое время; память объ ихъ нападкахъ мѣшаетъ многимъ и теперь правильно оцѣнить его и сызнова пересмотрѣть всю его дѣятельность. Впрочемъ свое мнѣніе о покойномъ я уже имѣлъ случай выразить въ некрологѣ (Др. и Нов. Россіи,

1876) и радъ буду когда нибудь подробнѣе и обстоятельнѣе возвратиться къ этому предмету; теперь же обращусь къ лежащему передъ мною сборнику статей, составляющему 5-й томъ Собранія сочиненій Погодина, въ первыхъ томахъ котораго помѣщены его Древняя Русская исторія (2 т.), рѣчи, произнесенныя въ торжественныхъ и прочихъ собраніяхъ; политическія письма и записки, писанныя впродолженіи крымской войны.

Занимающій насъ томъ заключаетъ въ себѣ статьи, помѣщенныя въ журналахъ русскихъ и иностранныхъ съ 1856 по 1867 г. и касающіяся тогдашнихъ политическихъ событій. Въ 1856 г. только что былъ заключенъ Парижскій миръ и какъ мѣтко выразился тогда Н. Ф. Павловъ въ рѣчи за обѣдомъ тѣснаго кружка литераторовъ: „новымъ духомъ вѣетъ, новое время настало“. Наступленіе новой жизни сказалось болѣе всего въ томъ, что печать робко и нерѣшительно въ началѣ принялась обсуждать вопросы внѣшней и внутренней политики: политическія обозрѣнія „Русскаго Вѣстника“, далеко несвободныя отъ аллегоріи или скорѣе бывшія ничѣмъ инымъ какъ прозрачною аллегоріею, были, какъ многіе помнятъ, важнымъ событіемъ; за „Русскимъ Вѣстникомъ“ заговорили и другіе журналы, а скоро и газеты; печать принялась обсуждать, а не только передавать событія иностранныя и высказывать болѣе или менѣе ясно различныя отношенія къ идеямъ европейской жизни (рядомъ со статьями „Русскаго Вѣстника“ людямъ жившимъ въ ту эпоху нельзя не вспомнить блестящихъ, но къ сожалѣнію весьма немногочисленныхъ статей кн. Черкасскаго въ „Русской Бесѣдѣ“). Большинство писателей того времени или вообще только начинали свое поприще, или переходили къ вопросамъ политическимъ отъ литературныхъ и отвлеченныхъ вопросовъ, которыми дотолѣ занимались. Оттого самая постановка вопросовъ была чисто отвлеченною, чему еще много способствовали и условія тогдашней печати, de jure неизмѣнявшіяся и медленно измѣнявшіяся de facto и тогдашнее настроеніе общества, недовольнаго ближайшимъ прошлымъ и подъ гнетомъ впечатлѣній севастопольскаго погрома суроваго къ нему до несправедливости и, подобно писателямъ, привыкшаго болѣе къ роли сторонняго критика того, что дѣлается, чѣмъ къ роли участника въ совершающемся. Вслѣдствіе того, вопросы, занимавшіе общество, были общаго свойства; на первомъ планѣ стоялъ вопросъ о бюрократіи и самоуправленіи, объ административной централизаціи, о принципѣ свободы торговли и т. п. Политическія обозрѣнія того времени направлены были главнымъ образомъ къ уясненію этихъ и подобныхъ вопросовъ въ ихъ общемъ видѣ. Событія настоящаго служили канвою, на которой каждый писатель вышивалъ свои узоры. Взоры всѣхъ обращены были на Англію и на Францію, не какъ на нашихъ недавнихъ враговъ, не со стороны изъ видовъ и предположеній, до которыхъ тогда какъ будто никому дѣла не было, а со стороны ихъ общественнаго строя и ихъ общественныхъ идеаловъ, служившихъ тогда знаменами разныхъ взглядовъ.

Отсюда понятна англоманія однихъ, прославленіе французской оппозиціи другихъ. Посреди разнообразныхъ голосовъ, раздавшихся въ то время, послышался и голосъ Погодина, къ которому прислушивались преимущественно только тогда, когда онъ обличалъ современные внутренніе недостатки (хоть бы въ извѣстной статьѣ въ „Русской газетѣ“ *Поля*); на

политическія статьи Погодина преимущественно обращали вниманіе тѣ, кто опасался ихъ „несвоевременности“: въ нихъ онъ занимался внѣшнею политикою, а внѣшняя политика въ то время менѣе всего занимала русское общество, что и понятно послѣ Парижскаго мира. Кто безпристрастно сравнитъ общественное мнѣніе во время крымской и настоящей войны, тотъ почувствуетъ разницу: русское общество пассивно относилось къ войнѣ минувшей и активно къ настоящей. Погодинъ, издавна слѣдившій за славянскимъ вопросомъ, издавна сносившійся съ вождями славянской мысли за границей, подававшій не разъ записки по славянскому вопросу („Сочиненія“, IV), еще въ 30-хъ годахъ говорившій о славянахъ въ актовой рѣчи (тамъ же, III) и еще болѣе говорившій о нихъ на лекціяхъ (см. рѣчь кн. В. А. Черкасскаго на „50-ти-лѣтнемъ юбилеѣ“), первый обратился къ публицистикѣ съ точки зрѣнія народныхъ, постоянныхъ, а не временныхъ интересовъ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока не поднялся польскій вопросъ: во время оживленныхъ преній о немъ стали прислушиваться и къ горячему слову Погодина и едвали въ глуби Россіи слово Погодина не было самымъ дѣйствительнымъ. До тѣхъ же поръ онъ слишкомъ расходился съ господствующимъ настроеніемъ и многимъ статьи его казались продолженіемъ тенденціозныхъ статей временъ крымской войны (когда, какъ извѣстно, всякая статья политическаго свойства казалась тенденціозною; странное было время!). Посмотримъ теперь на содержаніе того сборника, о которомъ мы говоримъ, предупредивъ заранѣе, что цѣль наша только познакомить публику съ интересною книгою, а не представлять ея полной оцѣнки, которая потребовала бы много времени.

Первыя двѣ статьи назначались для газеты „le Nord“ (1856 и 1858), изъ нихъ одна представляетъ общее обозрѣніе политическаго горизонта въ 1856 г., гдѣ авторъ замѣчаетъ, что въ Италіи Европа дѣйствуетъ также, какъ Россія въ Турціи до Крымской войны; но что Россіи опасались, Россію надѣялись *осадить* (собственное слово автора) и потому съ нею начали войну. Европа, по мнѣнію Погодина — держится старой системы: „она основываетъ свое благосостояніе на чужомъ вредѣ, и думаетъ только о себѣ“. Систему эту пора перемѣнить на новую, болѣе согласную съ образованіемъ вѣка и болѣе достойную народовъ христіанскихъ: „живи всякій, кому какъ лучше, развивай свои способности, пользуйся всѣми благодѣяніями Божіими какъ умѣешь. Помогая другъ другу мы всѣ уйдемъ гораздо далѣе впередъ, чѣмъ вредя и мѣшая себѣ взаимно“. Слѣдующая статья назначалась для той же газеты (не знаю была ли она тамъ напечатана); въ ней авторъ доказываетъ, что Россія не вела интриги въ Индіи (тогда было возстаніе Сипаевъ); долго ли придется оправдываться намъ отъ такихъ ни на чемъ неосновательныхъ обвиненій? въ доказательство авторъ приводитъ то, что Россія не вела никакихъ интригъ у Славянъ и указывая на то, что мы не пользуемся даже законными средствами вліянія, даже на племена, подчиненныя Русской власти, цитуетъ слова одного кавказскаго татарина: „странные люди вы, Русскіе, драться никто съ вами не сладитъ, а пользоваться своими побѣдами не умѣете: ну что вы получили отъ всѣхъ здѣшнихъ богатыхъ странъ? Ровно ничего. Вы оставляете себѣ только труды и ра-

сходы, а выгоды отдаете однимъ туземцамъ надъ другими, и никто вамъ не благодаренъ, а недовольныхъ множество". Какъ часто послѣ литература повторяла этотъ мотивъ, а многіе ли рѣшились бы говорить въ такомъ тонѣ тогда. *Средній* русскій человѣкъ оказался мужественнѣе, а можетъ быть и дальновиднѣе многихъ передовыхъ. Письмо оканчивается вѣстью объ ожидаемомъ освобожденіи крестьянъ. Слѣдующая статья: „Прошедшій годъ (1858) въ политикѣ русской и европейской" была напечатана въ „Парусѣ", газетѣ непросуществовавшей и года и теперь м. б. и забытой, хотя и напрасно. Въ этомъ обозрѣніи Погодина все сосредоточивается около восточнаго вопроса: онъ показываетъ, какъ Европа усиливаетъ свое вліяніе на Востокѣ (Румынская конституція), Черногорія входитъ въ сношеніе съ Парижемъ, а германская публицистика (онъ указываетъ тогдашнюю брошюру: „Das europäische Gleichgewicht der Zukunft") совѣтуетъ Австріи оставить въ Германіи первенствующую роль Пруссіи, а самой обратиться на востокъ, гдѣ ей предсказывается блестящее будущее. Но христіанамъ востока отъ того не легче: въ Босніи возстаніе, жертвы кроваваго усмиренія котораго бѣгутъ въ Австрію. Указывая все это, совѣтуя слѣдить за дѣлами Востока, авторъ однако одобряетъ то, что Россія на время заперлась въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ и въ грядущихъ реформахъ видитъ залогъ ея будущаго величія. Съ этимъ согласны были и тогда всѣ; но всѣ ли понимали необходимость знать то, что дѣлалось въ Турціи; всѣ ли понимали необходимость быть на стражѣ; не приходило ли даже многимъ въ голову, что лучше бы разоружиться? но Погодинъ недаромъ указывалъ на вооруженіе всѣхъ европейскихъ государствъ. Нѣсколько статей посвятилъ Погодинъ итальянскому вопросу: оказывая большое сочувствіе итальянскому объединенію, онъ привѣтствовалъ въ дѣлѣ Италіи дѣло народностей и предвидѣлъ, что придетъ очередь и Славянамъ (немного не дожилъ онъ до настоящей войны). Представляя въ 1860 г. „Взглядъ на Европу à vol d'oiseau", авторъ опять останавливается преимущественно на томъ, что важно для Россіи; не перестаетъ указывать на угнѣтеніе христіанъ въ Турціи, на своекорыстіе западной политики; не можемъ не выписать слѣдующаго энергическаго сужденія: „Турція остается болѣзненнымъ наростомъ на европейскомъ тѣлѣ, получившимъ къ стыду какое-то смѣшное освященіе. Турція соединилась какими-то брачными узами съ Европою, сосватанная лордомъ-Пальмерстономъ. Перемѣны министерствъ слѣдуютъ въ Константинополѣ одна за другою, одинъ чортъ на дьяволѣ, а мы-то повторяемъ съ почтеніемъ: Риза-паша, Фуадъ-паша, Кипризли-паша, на одну всѣхъ осину". Слухи 1861 г. (потомъ оправдавшіеся) о намѣреніи Европы дипломатически вступиться за Польшу снова обратили Погодина къ тому же вопросу: „Да почему же вы — говоритъ онъ (статья: „по поводу новыхъ слуховъ")—не хотите освободить Черногорцевъ, Босняковъ, Герцеговинцевъ, Сербовъ, Болгаръ, которыхъ бѣдствія подъ игомъ варварскаго племени не идутъ и въ сравненіе съ нынѣшнимъ положеніемъ поляковъ,—что печатаете вы сами ежедневно во всѣхъ вашихъ газетахъ, по свидѣтельствамъ консуловъ и путешественниковъ! Если помогать страдальцамъ, то съ нихъ бы и начать всего лучше и цѣлесообразнѣе, при такомъ благодатномъ настроеніи духа! помогая имъ, вы уничтожаете

господство дикаго, магометанскаго племени, пріобрѣтаете богатыя области себѣ въ распоряженіе, и употребляете гораздо менѣе усилій, а помогая полякамъ, безъ особой нужды, вы идете войною на сильный народъ, который не можетъ подставить вамъ шею. Слѣдовательно въ этомъ случаѣ вы ставите болѣе или менѣе на карту собственное свое благосостояніе, и тѣмъ выигрываете навѣрное! тамъ справедливость, необходимость, польза, здѣсь беззаконіе, прихоть, вредъ! какое же сравненіе, и какой можетъ быть у васъ разсчетъ?“ „Мы смѣло повторяемъ замѣчанія одного англійскаго мыслителя, говоритъ авторъ въ концѣ статьи, что душа убываетъ на западѣ. Душа убываетъ на западѣ, а прибываетъ ли она на Востокѣ? подай Господи!“ Кажется, теперь мы можемъ сказать, что Богъ внялъ этой молитвѣ!

Отношенія автора къ польскому вопросу очень интересны: сначала онъ стоялъ за отдѣленіе Польши отъ Россіи (т. е. царства, статья въ IV томѣ), потомъ за автономію („записка о Польшѣ“) и наконецъ пришелъ къ такому убѣжденію подъ вліяніемъ послѣдняго шляхетскаго возстанія: „Habent sua fata nationes“. „Шляхта нынѣшняя, или древніе евреи, изведенные изъ Египта, должна погибнуть въ сорокалѣтнемъ странствіи по пустынѣ Европейской, а новая Польша съ освобожденными крестьянами и городами должна начать новую жизнь, новую исторію, въ соединеніи съ Россіею. Такъ, кажется, угодно Богу! къ тому ведутъ событія“.

Много важныхъ и любопытныхъ замѣчаній, много вѣрныхъ и мѣткихъ взглядовъ разсѣяно по всей книгѣ (укажемъ на статьи о минахъ, изобрѣтенныхъ г. Давыдовымъ, на разсужденія объ Австро-прусской и Франко-прусской войнахъ), но мы на нихъ останавливаться не будемъ, убѣжденныя въ томъ, что безпристрастный читатель, узнавъ отъ насъ о существованіи такой умной книги, самъ познакомится съ нею и не останется неудовлетвореннымъ. Будемъ надѣяться, что появится когда-нибудь полная біографія Погодина и откроетъ возможность полной оцѣнки продолжительной дѣятельности одного изъ самыхъ замѣчательныхъ людей русскихъ въ XIX в.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

(ПРОФЕССОРЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА).

Отдѣльно отпечатано изъ «Сборника Государственныхъ Знаній». Т. VI.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 10 Мая 1878 года.

Въ типографіи В. Безобразова и Комп. (Вас. Остр., 8 л., д. № 45).

2007110070